

«Утрата языка — это утрата народности»
Из архивного наследия академика А.А. Шахматова

© О.В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье дается обзор забытых идей академика А.А. Шахматова, касающихся проблем языковой политики и культурно-исторических связей славянских народов. Ученый говорит об общности «малорусского», «великорусского» и «белорусского» племен, их этнологических корнях. В статье освещаются вопросы становления социолингвистики конца 1910-х годов и роль А.А. Шахматова в решении проблем геоязыкового строительства.

Ключевые слова: история русского языка, лингвистическое источниковедение, геополитика, социолингвистика, этнолингвистика, культурология.

DOI: 110.31857/S013161170001616-6

The article gives an overview of the forgotten ideas of academician A.A. Shakhmatov concerning the problems of language policy and cultural and historical ties of the Slavic peoples. The scientist talks about the commonality of the «little Russian», «great Russian» and «Belarusian» tribes, about their ethnological roots. The article highlights the issues of sociolinguistics formation in the late 1910s and the role of A.A. Shakhmatov in solving the problems of geo-linguistics.

Keywords: history of the Russian language, linguistic source studies, geopolitics, sociolinguistics, ethnolinguistics, culturology.

*Русское племя представлено тремя
отраслями, тесно связанными между
собой и близостью языка,
и общею верою, и вековою историей.*

А.А. Шахматов.

Из фондов Санкт-Петербургского филиала
Архива РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9.

«В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова. Биография его — гениального лингвиста и исключительно прекрасного человека — неизбежно должна превратиться в повесть о строительстве “молодой еще науки о русском языке”», — такими словами открыл свою книгу об академике Шахматове его талантливый ученик В.В. Виноградов [1].

Имя Шахматова для многих отечественных ученых до сих пор является камертоном научной деятельности и верности подлинным принципам славянского братства, их духовного и культурного единения. Хрестоматийный облик Шахматова, известный многим еще со студенческой скамьи, не укладывается в привычное понимание «классика», каким он не стремился быть и никогда об этом не думал. Шахматов никогда не являлся сторонним наблюдателем в противоречивой жизни начала XX века, он стал ее неотъемлемой частью, предводителем филологии в бурном течении переворотов и революций, когда смешивались судьбы, порой терялась вера и рушились идеалы.

Биография Шахматова не раз излагалась отечественными исследователями, и, быть может, в силу определенных обстоятельств каждый раз менялись акценты: то Алексея Александровича приписывали к контрреволюционерам, то называли его метод исследования формальным, нередко необоснованно критикуя его труды. Сейчас, когда, казалось бы, время нам дает шанс корректно отнестись ко всему сделанному им, почему-то все меньше и меньше появляется работ о самом ученом, приоткрывающих затертый облик великого соотечественника и смиренного труженика русской науки (см. новые работы и публикации

В.И. Макарова, Е.А. Масальской, О.В. Никитина, юбилейный сборник «Академик А.А. Шахматов...» и др. [2; 3; 4; 5; 6]). То же отчасти наблюдается и в области исследования его научного наследия, которое, смеем заметить, еще многих и многих старательных тружеников может одарить редкой в своей новизне мыслью, яркими гипотезами да и просто обратить наше внимание на те стороны научного и человеческого мироощущения Шахматова, которые до сих пор не были поняты и оценены.

Много лет тому назад мы опубликовали неизвестную статью ученого «О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию» [7; 8], которая, как полагаем, удивительно точно и проблемно раскрывает мир исканий и тревог предреволюционного времени, особенно занимавших его ум и сердце в беспокойные 1910-е годы. Именно в этот период даже в научных трудах Шахматова ощущается стремление уйти в глубины исторического прошлого не только для того, чтобы исследовать язык наших предков, но прежде всего с общественной целью — понять, как и при каких исторических обстоятельствах зарождался остов восточнославянской народности, по каким путям она развивалась в древний период и в Средневековье, что способствовало сближению и что, наоборот, отталкивало ее родственные ветви — украинскую и белорусскую. Все это и многое другое ученый решал на страницах своих лингвистических трудов, которые теперь, в начале XXI века, можно назвать в какой-то мере историческим пророчеством Шахматова.

Так, в 1915 году выходит объемный труд академика «Очерк древнейшего периода истории русского языка». В это же время появляются в печати статьи и переводы славистической проблематики: «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях», «Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни» и др. Последняя прижизненная книга ученого «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919) как бы подытожила раздумья над глубокой и важной проблемой становления и развития русской нации. В этой работе Шахматов особо подчеркивает «державность славянского элемента в русском государстве» [9] прошлых времен, которая способствовала объединению севера и юга и складыванию единого этнографического, этнокультурного и этнополитического целого.

Но не только в научных трудах ученый пытался воплотить мечту великорусов о едином Отечестве, о торжестве славянского братства. Он плодотворно занимался просветительской и организаторской деятельностью и в Академии, и в вузах России, в научных обществах и собраниях. В начале 1900-х годов Шахматов вместе с другими известными учеными из славянских государств стал одним из организаторов Союза славянских академий. В предложенном им Проекте Устава ученый так сформулировал основные задачи и цели объединительного по своей сути общеславянского органа: «Мысль организовать Союз славянских академий и ученых

обществ явилась последствием того убеждения, что для разрешения некоторых научных задач совершенно необходимо сосредоточить на них внимание и совокупные усилия ученых специалистов всех славянских народностей. <...> Но славянство объединяется не только своим доисторическим прошлым. Многие ветви его в начале исторической своей жизни попали под общие культурные влияния, давшие общее направление дальнейшему развитию этих славянских народностей. <...> Здесь, между прочим, имеется в виду и тот для данного дела в высшей степени важный факт, что взаимные сношения между славянами создавали иногда широкое духовное общение между ними, приводившее к одной общей литературе и к одному общему в главных чертах литературному языку» [10].

Статья Шахматова «О государственных задачах русского народа...» отражает еще одну сторону общественных интересов ученого: он осознавал всю трагичность сложившейся ситуации на территории восточнославянских народов и предостерегал будущее поколение от возможных ошибок в национальных проблемах, которые нельзя решать без знания *исторического* опыта.

В этой работе главным предметом своего внимания Шахматов объявил великорусскую народность и те «сепаратистические» настроения, которые кроются в «племенах», населяющих Россию и стремящихся расчленить ее на части, уничтожить и погубить некогда единое государство, остовом которого, по мнению ученого, является язык. Потому часто звучат его слова о необходимом внимании к украинскому, белорусскому языкам, о том, чтобы восточнославянские соседи развивали на своих национальных языках литературу. Проблемы социолингвистики, которые так остро поднялись из исторического прошлого и вышли на арену культурных перемен 1920–1930-х годов в трудах А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и других ученых, Шахматов предчувствовал раньше и предостерегал нас от непродуманных шагов в лингвистической геополитике.

Шахматов начинает свой обзор со времени крещения Руси и последовательно излагает обстоятельства, приведшие к созданию единого восточнославянского государства, укрепления его позиций. Особое внимание он уделял проблеме языкового и культурного братства народов: «Русская народность была едина в далеком прошлом; эпоха, когда русское племя составляло одно целое, лишь незначительно расхолодившись в некоторых своих частях, относится к доисторическому времени. Свидетельство науки не оставляет никакого сомнения в том, что эта эпоха была весьма продолжительна; отколовшись от общеславянской семьи языков, также некогда единой и нераздельной, русское племя жило одной общеою жизнью и притом, очевидно, на сравнительно небольшой территории в течение по крайней мере трех столетий. В это время в языке наших общих предков произошли существенные изменения сравнительно с древнейшим общеславянским праязыком, и эти изменения положили глубокий отпечаток

на все последующее развитие русского языка в выделившихся из него наречиях» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9].

Везде в центре внимания Шахматова находится проблема единства — этнокультурного, исторического, языкового и духовного. Он не устает повторять: «...если к общерусской эпохе возводится главное духовное богатство народа — его язык, то к периоду Киевской гегемонии возводятся и общая вера, и общие политические стремления, и общие исторические легенды, и, наконец, общая духовная и светская литература. Единство русской семьи основывается не только на пассивных началах, вытекающих из общего происхождения от семьи общеславян (Так в тексте. — *О.Н.*) и дальнейшей общей жизни в пределах общей прародины, оно основывается и на общем активном выступлении русских племен в период создания и роста Киевского государства» [Там же].

Ученый доводит историко-культурный очерк до начала XX века — противоречивого и неоднозначного периода в истории славянских народов. Он указывал на факты, отталкивающие украинцев и белорусов от России, говорил о характере национального самосознания, отмечал этнографические, социальные и языковые черты «общеславян». Многие мысли нашего великого соотечественника заставляют задуматься об этих проблемах: «Неужели рост малорусов и белорусов, появление среди них своей национальной школы, создание ими своей литературы может сколько-нибудь беспокоить нас, великорусов. Когда мы жили врознь, когда русское единство было нарушено и его не существовало, малорусы и белорусы своим упорством и своей неустанной работой подготовили создание единого русского государства. Неужели теперь, когда единство достигнуто, когда все три русские народности живут общею жизнью, рост белорусской и малорусской народностей приведет к распадению? Необходимо самым тщательным образом задуматься над следующими обстоятельствами. Малорусская интеллигенция озабочена теперь только одной мыслью — сохранить малорусский язык: язык — это тот этнографический признак, который один в особенности в настоящее время, время победоносной единой культуры, может охранить народность, спасти ее от полного обезличения. И если мы предоставим малорусам все те условия, в которых живем мы сами, не стесняя их ни в чем таком, в чем не стеснены мы сами, обеспечив им, однако, право говорить, писать, учить по-малорусски, неужели мысль малоруса только от того, что она облечена в оболочку малорусского слова, неужели одного языка будет достаточно для создания малорусского сепаратизма другими условиями, зреть при других обстоятельствах: мы можем привести русскую семью к распадению, если поставим малорусов и белорусов в положение не сынов, а пасынков в государстве, если государство возбудит их против себя своими мерами, направленными против их национального развития, если великорусское общество отнесется с презрением или с безучастием к тому, что каждый

<развитый> малорус и белорус считает своим жизненным делом. Скажу еще раз: это дело теперь уже не остановить. Вопрос сводился только к тому, какое ему дать направление — русское, направить к общему благу России или антирусское, направленное к обособлению сначала духовности, потом политики Малоруссии и Белоруссии» [Там же].

Какие пронзительные, смелые, правдивые слова говорил Шахматов! Как болен он своим сердцем за разрушение культурных связей славян! И далее он продолжал с еще большей силой убеждать соотечественников в том, что решение национальных проблем славян — краеугольный камень политики государства. Он писал: «Пусть каждый великорус содрогнется перед мыслью дать этим малорусам и белорусам антирусское направление; это рыть могилу себе, своему государству и своей национальности; *мы сильны своим единством* (курсив наш. — *О.Н.*), без него мы станем добычей других, более сильных народов становления восточнославянского государства» [Там же].

При оценке событий начала XX века Шахматов обращался к богатому историческому опыту Руси–России, который складывался в том числе и из признания *местных* обычаев, прямо говорил о ее *государственных интересах* и приоритетах, пытался осмыслить и оценить ошибки в решении национальных проблем и — главное — предлагал пути дальнейшего развития страны, выдвигал действенные задачи для созидания будущего единства.

Можно предположить, что в силу сложившихся обстоятельств и личной судьбы Шахматов находился под некоторым влиянием идеи общеславянского единства, но в то же время отчетливо понимал хрупкость этого континента, многочисленные противоречия, раздирающие его изнутри. Но как идеалист в лучшем смысле этого слова он все же не оставлял надежды на торжество разума над хаосом, а как практик старался делать все, чтобы разъяснить и наглядно показать имеющиеся противоречия, тем самым как бы заставляя задуматься и нас о грядущей судьбе России.

Будучи увлеченным исследователем-архивистом и в то же время практиком, вдумчивым лектором и внимательным собеседником, известным и уважаемым человеком, Шахматов все же оставался в тени официальной академичности и сторонился приемов и банкетов, оставаясь в миру скромным и чутким правдоискателем, верным традициям любимой им Родины. После его смерти профессор В.Н. Щепкин очень точно подметил свойство Шахматова, идущее от его внутренней сути, от всего строя его духовной деятельности. «Шахматов, — писал он, — в сфере славянской (так в тексте. — *О.Н.*) филологии оказался руководящей социальной личностью, какие типичны для духовного развития сплоченных и сознательно организованных наций. В славянском мире этот культурный феномен особенно свойствен духовному развитию интеллигентного чешского народа. В бюрократической, духовно обезличенной и несорганизованной

России появление такой значительной социальной личности было счастливейшим и редчайшим исключением» [11].

«Легендарный мальчик» — так назвал В.М. Истрин Шахматова в статье, посвященной памяти ученого [12]. Но не внешние качества и присущую теперь многим нынешним деятелям «значительность» имел в виду коллега Шахматова, а *нравственный* облик этого мужественного человека. Сам он как-то ответил на поставленный им же главнейший вопрос (и, думается, в этом признании Алексея Александровича кроется глубинная сила и гармония души нашего славного соотечественника): «В чем смысл жизни?» — «Во все-стороннем развитии духовной жизни человека: его воли, его ума и чувства» [ОР РНБ. Ф. 846. Ед. хр. № 12. Л. 261].

Ознакомившись со статьей, мы, может быть, пойдем, насколько прав он был, предупреждая нас еще задолго до наступившего «парада национальностей» и предлагая иной — земной путь, путь разума и исторического опыта, к которому не суждено было прислушаться тогда. Удивительно, но Шахматов-лингвист оказался прозорливее и мудрее многих историков и политиков прежде всего потому, что он не только знал истоки национально-языковых традиций восточных славян, но и понимал их психологию, чувствовал филологический дух братских народов. Почти как девиз стоит воспринимать его слова в статье «О государственных задачах...»: «Утрата языка — это утрата народности» [СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. № 9].

Полагаем, что классический опыт геолингвистики в изображении академика Шахматова, его архивное наследие содержат немало глубоких, полезных идей для современного понимания процессов «русского мира», а взволнованный голос ученого, который звучит сквозь эмоциональные строки забытой статьи, должен быть услышан.

Сокращения

ОР ОРБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Литература

1. *Виноградов В.В.* Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922. С. 5.
2. *Макаров В.И.* «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб., 2000.
3. *Масальская Е.А.* Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012.
4. *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004.

5. *Никитин О.В.* Академик Алексей Александрович Шахматов и его труды // Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012. С. 556–565.
6. Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб., 2015.
7. *Шахматов А.А.* О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию [публикация О.В. Никитина] // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
8. *Шахматов А.А.* О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию [подготовка к публикации, предисловие и примечания О.В. Никитина] // Вопросы филологии. 2006. № 2 (23). С. 74–85.
9. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени / Издание Русского Исторического Журнала. Пг., 1919. С. 63.
10. Документы к истории славяноведения в России / Под ред. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1948. С. 365–366.
11. *Щепкин В.Н.* Академик А.А. Шахматов // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (1920 г.). Пг., 1922. Том XXV. С. 314.
12. *Истрин В.М.* А.А. Шахматов как ученый // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (1920 г.). Пг., 1922. Том XXV. С. 23–24.

Московский государственный областной университет